

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мирослава Тройская
Последний свидетель

«Автор»

2026

Тройская М. В.

Последний свидетель / М. В. Тройская — «Автор», 2026

Двадцать лет назад одна тайна изменила жизни нескольких людей. Теперь прошлое возвращается, чтобы потребовать ответа. Когда в старинном особняке собираются люди, связанные общими воспоминаниями, никто не ожидает, что эта встреча станет началом раскрытия давно похороненной правды. За закрытыми дверями всплывают забытые секреты, старые обиды и воспоминания, которые каждый пытался оставить в прошлом. Детектив Андрей Власов оказывается втянут в расследование, где каждое доказательство ведёт глубже в мир лжи и недосказанности. Но чем ближе он подбирается к истине, тем яснее становится: среди присутствующих есть тот, кто знает гораздо больше, чем говорит.

© Тройская М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мирослава Тройская

Последний свидетель

Глава 1

Глава 1

Дождь лил уже шестой час подряд. Низкое свинцовое небо нависло над лесом, будто прижимая к земле вековые сосны. Ветер с воем раскачивал их вершины, а узкая дорога, ведущая к усадьбе «Воронье», превратилась в вязкую полосу грязи, по которой даже полноприводный внедорожник двигался с трудом. Андрей Власов сбросил скорость. На пассажирском сиденье лежал белый плотный конверт. Он уже неделю возил его с собой, хотя каждый день собирался выбросить. Без марки. Без обратного адреса. Только несколько напечатанных строк. **«Если вы хотите узнать правду о деле двадцатилетней давности, приезжайте 17 октября в усадьбу „Воронье“. Начало — в 20:00. Опоздание недопустимо.»** Никакой подписи. Никаких объяснений. Андрей снова перечитал письмо, хотя давно знал его наизусть. Слово «правду» раздражало сильнее всего. За двадцать пять лет службы он слишком часто видел людей, обещавших правду. Обычно они приносили лишь новые версии, домыслы или ложь. И всё же он приехал. Потому что двадцать лет назад не сумел закончить одно дело. Исчезновение двенадцатилетней Лизы Морозовой. Единственное расследование, которое так и осталось незавершённым. Официально дело приостановили из-за отсутствия доказательств. Неофициально — оно развалилось под тяжестью противоречий. Свидетели меняли показания, вещественные доказательства исчезали из материалов, а некоторые люди, фигурировавшие в деле, будто растворялись без следа. Через несколько лет Андрей ушёл из следственных органов. Но каждую осень, когда начинались затяжные дожди, он вспоминал фотографию девочки с двумя косичками. И чувство, что тогда он не заметил чего-то важного. В этот момент тяжёлые кованые ворота начали медленно открываться. Автоматический привод тихо загудел. Андрей машинально отметил деталь. Электричество здесь было. Значит, усадьба не заброшена. Он въехал во двор.

Особняк появился из дождя неожиданно. Тёмный камень стен почти сливался с лесом. Высокие узкие окна. Башня с остановившимися часами. Каменные горгульи по краям крыши. Дом выглядел не старым. Он выглядел настороженным. На широких ступенях уже стояли несколько человек. Пожилой мужчина в дорогом костюме нервно курил сигару. Женщина лет тридцати крепко держала дорожную сумку обеими руками. Высокий мужчина в очках безуспешно пытался поймать сигнал мобильной связи. Ещё одна пожилая женщина внимательно наблюдала за каждым новым автомобилем. Все выглядели одинаково. Не как гости. Как люди, которых вызвали повесткой.

— Тоже получили письмо?

Андрей обернулся. Перед ним стояла стройная темноволосая женщина лет тридцати пяти. Уверенный взгляд. Короткое серое пальто. Небольшой блокнот в руке.

— Марина Лебедева, журналист.

Она первой протянула руку.

— Андрей.

Фамилию он не назвал. Марина заметила это сразу.

— Не любите представляться?

— Предпочитаю сначала понять, куда приехал.

Журналистка улыбнулась.

— Разумная привычка.

Она не стала расспрашивать дальше. Но Андрей отметил, что её взгляд на мгновение задержался на его лице. Словно фамилию она всё-таки знала.

К восьми часам вечера прибыли все приглашённые. Адвокат. Врач. Журналист. Учитель. Психолог. Судья в отставке. Бывший сотрудник полиции. И сам Андрей. На первый взгляд между ними не было ничего общего. Но следователь давно привык смотреть не на слова. А на реакции. Когда разговор случайно коснулся исчезновения Лизы Морозовой, сразу несколько человек отвели глаза. Психолог машинально потёр левое запястье. Учитель слишком поспешно сменил тему. Пожилой судья заметно побледнел. А человек, представившийся бывшим полицейским, едва слышно произнёс:

— Не думал, что кто-нибудь ещё помнит это дело...

Он сказал это скорее себе, чем окружающим. Андрей ничего не ответил. Лишь мысленно отметил ещё одно совпадение. Слишком многие здесь знали название дела. Хотя приглашение не содержало никаких подробностей.

Двери особняка распахнулись. Навстречу гостям вышел высокий седоволосый мужчина лет шестидесяти. Безукоризненный костюм. Спокойный голос. Но глаза выдавали человека, который уже несколько суток почти не спал.

— Добрый вечер. Меня зовут Виктор Орлов. Благодарю, что приняли приглашение.

Он говорил размеренно. Словно заранее выучил каждую фразу.

— Прошу пройти в столовую. После ужина нам предстоит серьёзный разговор.

— О чём именно? — спросил адвокат. Орлов посмотрел на него. Потом медленно перевёл взгляд на остальных.

— О том, что произошло двадцать лет назад.

Никто не переспросил. Никто не удивился самому факту существования какого-то события двадцатилетней давности. Люди удивились лишь тому, что Орлов произнёс это вслух. Именно тогда Андрей окончательно убедился: этих людей объединяет прошлое. Просто каждый знает о нём разную часть.

Столовая располагалась в западном крыле особняка. Высокие окна закрывали тяжёлые тёмно-зелёные портьеры, из-за которых в комнате казалось значительно темнее, чем было на самом деле. В камине потрескивали поленья, длинный дубовый стол был накрыт на десять персон. Только теперь Андрей заметил ещё одну странность. Стол был сервирован заранее. Каждая карточка с именем уже лежала на своём месте. Словно хозяин заранее решил, кто и где должен сидеть. Он машинально посмотрел на своё место.

****«Андрей Власов».** **Фамилия была напечатана полностью. Значит, Виктор Орлов прекрасно знал, кого пригласил. Получается, отказ Андрея назвать себя Марине ничего не менял. Кто-то уже давно собрал информацию обо всех присутствующих. Андрей отметил это про себя, но промолчал.

Пока гости рассаживались, он незаметно осматривал помещение. Две двери. Одна вела в холл. Вторая — на кухню. Высокие окна были закрыты изнутри тяжёлыми шпингалетами. В дальнем углу стоял старинный напольный хронометр. Часы показывали без трёх минут восемь. Андрей привычно сверил время со своими наручными часами. Совпадало. Ещё одна мелочь, которая позже могла оказаться важной. Виктор Орлов не спешил начинать разговор. Он почти не притрагивался к еде. Зато внимательно наблюдал за гостями. Не так, как хозяин дома. Так следователь наблюдает за подозреваемыми. Андрей поймал этот взгляд. Орлов едва заметно кивнул. Будто понял, что его тоже изучают.

Разговор не складывался. Кто-то говорил о погоде. О ремонте дороги. О перебоях со связью. Но любая тема быстро угасала. Каждый чувствовал напряжение. И каждый ждал, что Орлов наконец объяснит, зачем собрал их здесь. Он заговорил только тогда, когда горничная бесшумно убрала последние тарелки.

— Благодарю вас за то, что приехали. Мне известно, что многие сомневались. Некоторые даже решили, что это чья-то жестокая шутка.

Он сделал короткую паузу.

— К сожалению... это не шутка.

Адвокат нетерпеливо постучал пальцами по столу.

— Вы обещали рассказать о деле двадцатилетней давности. Начинайте.

Орлов медленно кивнул.

— Начну. Но сначала хочу задать один вопрос.

Он внимательно посмотрел на каждого.

— Кто из вас считает, что знает, чем закончилось дело Лизы Морозовой?

Несколько человек подняли глаза. Никто не ответил. Тогда неожиданно заговорил бывший полицейский.

— Его не закончили. Девочку не нашли.

Орлов спокойно посмотрел на него.

— Именно так принято считать.

Слово **«принято»** Андрей отметил сразу. Не **«это правда»**. А именно **«принято считать»**. Разница была слишком существенной.

— Двадцать лет назад, — продолжил Орлов, — исчез не один человек.

За столом стало ещё тише. Марина перестала делать записи. Даже психолог, до этого рассеянно крутивший бокал, замер.

— Следствие расследовало исчезновение ребёнка. Но было ещё одно преступление. О нём почти никто не знает. Именно поэтому вы сегодня здесь.

Андрей внимательно следил за реакцией гостей. Пожилой судья едва заметно сжал салфетку. Учитель нервно поправил очки. Врач побледнел. Это были не реакции людей, впервые услышавших новость. Это были реакции людей, которые надеялись никогда больше её не услышать.

В этот момент во всём доме неожиданно погас свет. Не полностью. Камин продолжал гореть. Но электричество исчезло. Темнота длилась всего три-четыре секунды. Когда люстры снова вспыхнули, никто сначала даже не понял, что изменилось. Первой заметила Марина.

— Это...

Посреди стола лежал старый пожелтевший конверт.

Его не было несколько секунд назад. Все одновременно посмотрели друг на друга. Никто не двинулся. Андрей не стал делать поспешных выводов. Он быстро оглядел стол. Ни одна тарелка не сдвинулась. Бокалы стояли на прежних местах. Значит, человек, положивший конверт, действовал очень быстро. Или... Конверт находился где-то рядом ещё до отключения света. Следовательно мысленно отбросил вторую версию. Сейчас для неё не было доказательств.

На лицевой стороне конверта было напечатано только одно слово. **«ВИНОВНЫ»**. Ни подписи. Ни печати. Орлов медленно взял письмо. Руки его заметно дрожали. Он развернул лист. Прочитал первую строку. Потом вторую. Лицо мгновенно потеряло цвет.

— Нет... Это невозможно...

— Что написано? — спокойно спросил Андрей. Орлов поднял глаза. В них был уже не страх. Ужас.

— Среди нас находится человек...

Он резко замолчал. Будто прочитал нечто ещё. Что-то, чего остальные видеть не должны были. В ту же секунду где-то на втором этаже с силой хлопнула дверь. Грохот прокатился по всему дому. Все невольно обернулись. Старинные часы в холле начали отбивать девять ударов. Первый. Второй. Третий. Андрей заметил, что Виктор Орлов уже не слушает часы. Он смотрел только на письмо. Словно именно в нём была названа дата его смерти. Именно тогда у Андрея возникла первая рабочая версия. Не ответ. Не догадка.

Лишь осторожное предположение. **Тот, кто прислал приглашения, и тот, кто подбросил письмо, — скорее всего, разные люди. **Пока это была всего лишь гипотеза.

Орлов медленно сложил письмо обратно в конверт. Он сделал это слишком аккуратно. Словно боялся не испортить лист, а прикоснуться к нему ещё раз. Андрей заметил это сразу. Люди, получившие дурную новость, обычно начинают говорить. Или оправдываться. Орлов же молчал. Будто в письме содержалась информация, которую нельзя было произносить вслух.

— Покажите письмо, — спокойно сказал Андрей. Орлов отрицательно покачал головой.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что тогда всё закончится раньше, чем должно.

Эта фраза прозвучала странно. Не «станет опасно». Не «начнётся паника». Именно **«закончится раньше»**. Андрей запомнил каждое слово.

— Вы пригласили нас сюда, — холодно произнёс адвокат Павел Демидов. — Значит, обязаны объяснить происходящее.

Орлов перевёл на него взгляд.

— Именно поэтому вы здесь.

Он медленно поднялся. Опёрся ладонями о стол. Несколько секунд молчал. Будто собирался с силами.

— Двадцать лет назад каждый из присутствующих, сам того не подозревая, оказался связан с одним событием. Некоторые знали об этом. Некоторые — нет. Но сегодня это уже не имеет значения.

Марина перестала писать.

— Вы хотите сказать, что все мы проходили по тому делу?

— Нет.

— Тогда что нас объединяет?

Орлов впервые позволил себе усталую улыбку.

— Если бы я ответил сейчас, половина из вас решила бы немедленно уехать. А вторая половина...

Он сделал паузу.

— Уже не смогла бы этого сделать.

По комнате пробежал тревожный шёпот.

Андрей поднялся. Не резко. Спокойно.

— Прежде чем продолжать, я хочу осмотреть дом.

Несколько человек удивлённо посмотрели на него. Орлов не возразил.

— Думаете, я приготовил для вас ловушку?

— Пока не знаю.

Следователь говорил ровно.

— Но если человек собирается сообщить опасную информацию десяти незнакомцам, он должен понимать, что среди них может оказаться тот, кого он боится.

Орлов молча выдержал его взгляд. Потом кивнул.

— Осматривайте. Дом открыт. Кроме моего кабинета.

— Почему именно кабинет?

— Потому что ответы находятся не там.

Андрей отметил ещё одну деталь.

Орлов не сказал: «Там нет ничего важного». Он лишь заявил, что **ответы находятся не там**. Разница была принципиальной.

Пока остальные обсуждали услышанное, Андрей медленно обошёл столовую. Никакой паники. Никаких громких заявлений. Только наблюдение. Он проверил окна. Все шпингалеты были закрыты. Осмотрел вторую дверь. Она вела в небольшую буфетную. Пусто. Вернулся к сто-

лу. Конверт всё ещё лежал перед Орловым. Следователь посмотрел на восковую печать. Вернее... На её отсутствие. Обычный канцелярский конверт. Современная бумага. Но искусственно состаренная. Это было заметно по неравномерно потемневшим краям. Значит, кто-то специально хотел создать впечатление, будто письмо пролежало долгие годы. «Или хотел, чтобы мы именно так подумали», — мысленно поправил себя Андрей. Пока выводов было недостаточно.

В этот момент неожиданно заговорил врач Дмитрий Крылов.

— Простите... Меня смущает один вопрос.

Все повернулись к нему.

— Если Орлов опасается за свою жизнь... Почему он просто не передал документы полиции?

Наступило молчание. Вопрос был очевидным. Но никто раньше его не задал. Орлов медленно посмотрел на врача.

— Передавал. Несколько лет назад.

— И что?

— Через неделю документы исчезли из архива.

Ответ прозвучал слишком спокойно. Без попытки убедить. Без драматизма. Именно поэтому Андрей поверил ему больше, чем если бы тот начал оправдываться. Если это ложь, она подготовлена заранее. Если правда — значит, в деле действительно происходило вмешательство.

Марина закрыла блокнот.

— Получается, вы никому не доверяете?

Орлов покачал головой.

— Ошибаетесь. Я доверяю одному человеку.

Он перевёл взгляд на Андрея.

— Именно поэтому пригласил вас.

Следователь нахмурился.

— Мы никогда не встречались.

— Нет. Но двадцать лет назад вы были единственным, кто заметил одну странность. Правда... Не придали ей значения.

Андрей ничего не ответил. Он действительно помнил десятки странностей того расследования. Но какую именно имел в виду Орлов, понять было невозможно.

В этот момент где-то наверху снова послышался звук. На этот раз — не удар. Будто по деревянному полу кто-то очень медленно прошёл несколько шагов. Все одновременно подняли головы. Шаги стихли.

— В доме есть ещё кто-нибудь? — спросил Павел. Орлов ответил сразу:

— Кроме горничной — нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Настолько быстро, что Андрей впервые за вечер усомнился в искренности хозяина. Не потому, что тот обязательно лгал. А потому, что отвечал так, словно уже ожидал именно этот вопрос. Именно в этот момент следователь впервые почувствовал: дело касается не только прошлого. Кто-то ещё находился в этом доме. И, возможно, наблюдал за каждым их словом ещё до того, как они переступили порог усадьбы. Андрей сделал для себя первую по-настоящему важную отметку: **если преступник действительно здесь, то он не станет торопиться. Человек, который двадцать лет скрывал правду, умеет ждать.**

Несколько секунд никто не двигался. Дождь за окнами снова усилился. Ветер ударил в старые витражи, и стекло едва заметно задрожало. Орлов посмотрел на напольные часы. Почти половина девятого. Казалось, он чего-то ждал. И это ожидание становилось всё заметнее. Андрей проследил за его взглядом. Часы. Снова часы. За последние несколько минут хозяин дома посмотрел на них уже трижды. Не нервно. Скорее так человек следит за временем до заранее назначенного события. Следователь мысленно отметил ещё одну деталь.

— Виктор Сергеевич, — неожиданно спросила Марина. — Почему именно семнадцатое октября?

Орлов поднял глаза.

— Потому что ровно двадцать лет назад в этот день дело окончательно перестало быть уголовным.

За столом воцарилась тишина.

— Что это значит? — спросил врач. Орлов долго молчал.

— До этого дня люди ещё пытались найти ответы. После... Начали искать виноватых. И это была самая большая ошибка.

Андрей уловил странную формулировку.

Не **«искали преступника»**. Не **«искали похитителя»**. Именно **«виноватых»**. Словно Орлов сознательно разделял эти понятия.

В этот момент в столовую вошла горничная. Невысокая женщина лет пятидесяти в строгом чёрном платье. Она молча собрала пустые тарелки. Ни на кого не посмотрела. Ничего не сказала. Когда она проходила мимо Андрея, тот машинально обратил внимание на её руки. Чистые. Но на указательном пальце правой руки виднелся свежий пластырь. Совсем маленькая деталь. Однако человек, ежедневно работающий на кухне, обычно получает порезы на левой руке. Правая была повреждена иначе. От чего именно — понять было невозможно.

Горничная уже почти дошла до двери, когда Орлов вдруг окликнул её.

— Анна.

Женщина остановилась.

— Все двери закрыты?

Она медленно кивнула.

— Да. Кроме зимнего сада. Замок снова заклинило.

Орлов едва заметно нахмурился.

— После ужина закройте.

— Хорошо.

Она ушла. Андрей перевёл взгляд на хозяина.

— Вы опасаетесь, что кто-то проникнет в дом?

Орлов посмотрел на него.

— Нет. Боюсь, что кто-то выйдет.

Ответ оказался настолько неожиданным, что за столом никто не нашёлся, что сказать.

Чтобы снять напряжение, психолог Игорь Савельев тихо рассмеялся.

— Простите... Но всё это начинает напоминать театральную постановку. Письма. Таинственные намёки. Запертый особняк. Не хватает только убийства.

Едва слова сорвались с его губ, как смех оборвался сам собой. Орлов медленно повернул к нему голову.

— Не произносите этого слова.

Психолог нахмурился.

— Почему?

— Потому что сегодня ночью оно прозвучит слишком часто.

В комнате снова стало тихо. Андрей обратил внимание ещё на одну мелочь. За всё время разговора Орлов ни разу не сказал **«если»**. Он говорил только **«когда»**. Не **«если что-то случится»**. А **«когда это произойдёт»**. Либо хозяин дома был абсолютно уверен в своих словах. Либо знал значительно больше, чем говорил.

Неожиданно в холле послышался тихий звон. Будто где-то открылась входная дверь. Все одновременно обернулись. Горничная выглянула из коридора.

— Виктор Сергеевич...

Орлов поднялся.

— Что случилось?

— Входная дверь открыта.

Наступило молчание.

— Вы её закрывали? — спросил Андрей.

— Лично, — ответила женщина. Следователь посмотрел на часы. Прошло меньше минуты с того момента, как она вышла из столовой. Слишком мало времени, чтобы кто-то незаметно вошёл с улицы, особенно под таким ливнем.

— Оставайтесь здесь, — спокойно сказал Андрей. Он вышел первым. Вслед за ним поднялся Павел, затем врач и бывший полицейский. Холл встретил их холодным сквозняком. Тяжёлая дубовая дверь действительно была распахнута настежь. Дождь заливал мраморный пол. На пороге никого не было. Андрей присел на корточки и внимательно осмотрел пол. Грязные следы вели внутрь дома. Но уже через несколько шагов исчезали. Не обрывались. Именно исчезали. Он не стал делать поспешных выводов. Возможно, их затёрли. Возможно, пол успел высохнуть возле камина. Или существовало объяснение, которого он пока не видел. Следователь поднялся.

— Никому не расходиться по дому в одиночку, — спокойно сказал он.

— До тех пор, пока мы не поймём, кто ещё находится в особняке.

В этот момент где-то наверху раздался едва слышный скрип половиц.

На этот раз его слышали все. Кто-то действительно был на втором этаже. И, судя по тому, что звук сразу стих, этот человек тоже понял, что его присутствие больше не осталось незамеченным.

Андрей медленно поднял взгляд на тёмный пролёт лестницы. Никого. Лишь тусклый свет настенных бра отбрасывал длинные тени на дубовые перила.

— Кто-нибудь поднимался наверх после ужина? — спросил он, не оборачиваясь. Ответом стала тишина. Гости переглянулись. Первой заговорила Марина.

— Все были за столом. Я почти никого не выпускала из виду.

— Почти? — спокойно уточнил Андрей. Журналистка задумалась.

— Когда погас свет... несколько секунд я ничего не видела.

— Это важно, — коротко сказал он. Он не стал спрашивать дальше. Память человека легко подстраивается под услышанное. Если начать задавать наводящие вопросы сейчас, позже показания станут менее надёжными.

— Прошу всех вспомнить только то, в чём вы абсолютно уверены. Остальное обсудим позже.

Павел удивлённо посмотрел на него.

— Уже начинаете расследование?

— Пока нет, — ответил Андрей. — Пока я стараюсь не испортить будущие показания.

Эти слова заставили нескольких человек заметно занервничать.

Следователь подошёл к лестнице. На первой ступени лежала крошечная капля грязи. Он присел. Провёл рядом пальцем, не касаясь её. Свежая. Дождевая вода ещё не успела впитаться в дерево. Значит, кто-то действительно недавно поднялся наверх. Но след оказался один. Ниже лестница была чистой. Андрей нахмурился. Человек не мог оставить только одну каплю. Если он пришёл с улицы, следов должно быть больше. Если спустился со второго этажа — откуда тогда грязь? Он не стал строить версий. Пока фактов было слишком мало.

— Виктор Сергеевич, — негромко произнёс Андрей. — Кто имеет ключи от всех помещений?

Орлов ответил не сразу.

— Я.

— Только вы?

— И горничная.

Анна едва заметно кивнула.

— Запасной комплект хранится в кабинете хозяина.

Следователь внимательно посмотрел на обоих.

— Кто-нибудь ещё мог получить к нему доступ?

— Теоретически — нет, — сказал Орлов. Значит, абсолютной уверенности у хозяина не было.

Из глубины дома донёсся тихий металлический звук. Будто где-то осторожно закрыли защёлку. На этот раз Андрей не бросился вперёд. Он прислушался. Дом снова замер. Старые здания живут собственной жизнью: скрипят балки, оседает дерево, стонут трубы. Но этот звук был слишком чётким. Металл. О металл. И произошёл он лишь однажды.

— Павел, — спокойно сказал Андрей. — Оставайтесь здесь.

Павел удивлённо посмотрел на него.

— Почему именно я?

— Потому что вы единственный, кто с самого начала внимательно наблюдает не за домом, а за людьми.

Адвокат усмехнулся.

— Это комплимент?

— Пока ещё нет.

Следователь повернулся к бывшему полицейскому.

— Вы пойдёте со мной.

Тот кивнул почти сразу. Без лишних вопросов. Эту готовность Андрей тоже отметил. Либо человек привык действовать. Либо слишком хотел оказаться рядом с местом событий. Обе версии заслуживали внимания.

Они медленно поднялись на второй этаж. Коридор оказался длинным и плохо освещённым. По обеим сторонам располагались двери спален. Все закрыты. Только одна в самом конце была слегка приоткрыта. Из узкой щели пробивалась тонкая полоска света. Бывший полицейский инстинктивно потянулся к ручке. Андрей остановил его жестом.

— Не трогайте.

— Почему?

— Если дверь открывали недавно, на ручке могли остаться следы.

Он достал чистый носовой платок и осторожно взялся за латунную ручку через ткань. Дверь бесшумно приоткрылась ещё шире. Комната оказалась пустой. Аккуратно застеленная кровать. Камин. Шкаф. Распахнутое окно. Холодный ветер трепал тяжёлые шторы. А на подоконнике лежал мокрый лист бумаги. Не письмо. Не записка. Всего один аккуратно вырезанный из старой газеты заголовок. **«ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ».** Андрей не прикоснулся к нему. Лишь несколько секунд внимательно смотрел. Потом медленно произнёс:

— Нет... Это не угроза.

Бывший полицейский нахмурился.

— Тогда что?

Следователь ещё раз посмотрел на вырезку.

— Это приглашение.

И внизу, в холле, старинные часы начали отбивать половину девятого. Первый удар гулко разнёсся по всему особняку. Казалось, сам дом отсчитывал последние спокойные минуты перед тем, как эта ночь навсегда изменит жизнь каждого, кто переступил его порог.

Андрей ещё раз внимательно осмотрел комнату. Ничего не трогая. Сначала взгляд задержался на распахнутом окне. Створки были открыты настежь. Дождь уже успел намочить подоконник и часть паркета. Но ветер дул не внутрь. А наружу. Следователь подошёл ближе. Холодный воздух действительно тянулся из комнаты. Он нахмурился.

— Странно...

— Что именно? — спросил бывший полицейский.

— Если окно открыли только что, ветер должен был занести дождь глубже в комнату.

Он посмотрел на пол. Вода заканчивалась почти сразу у окна. Словно створки открыли всего несколько минут назад. Но... Подоконник уже успел полностью намокнуть. Эти две детали противоречили друг другу. Значит, существовало объяснение, которого он пока не видел.

Андрей осторожно осмотрел подоконник. Краска возле рамы была едва заметно поцарапана. Совсем свежо. Не временем. Металлом. Будто совсем недавно сюда что-то крепили. Или снимали. Он провёл взглядом вдоль рамы. Ничего. Ни верёвки. Ни крюка. Ни следов взлома. Лишь маленькая серебристая стружка, застрявшая между створкой и рамой. Следовательно достал бумажный пакетик из кармана и аккуратно пересыпал находку внутрь.

— Вы всегда носите такие пакетики? — удивился бывший полицейский.

— Привычка. Иногда именно мелочь становится самым важным доказательством.

Он ещё раз посмотрел на газетную вырезку. Заголовок был аккуратно обрезан по краям. Типографская краска почти не выцвела. Газета не могла быть такой старой, как хотели показать. Андрей перевернул листок через носовой платок. На обратной стороне сохранился фрагмент статьи. Несколько слов. **«...архив...» «...октябрь...» «...пожар...» «О-стальная часть была аккуратно срезана. Слишком аккуратно. Будто кто-то специально оставил именно эти слова.**

— Что-нибудь понимаете? — спросил бывший полицейский.

— Пока нет. Но тот, кто оставил эту вырезку, рассчитывал, что однажды я пойму.

Из коридора донёсся голос Марины.

— Андрей!

Следователь быстро вышел из комнаты. Журналистка стояла возле лестницы. Лицо её заметно побледнело.

— Вам лучше это увидеть.

Все гости снова собрались в холле. Возле камина. На мраморном полу лежал небольшой кожаный ежедневник. Несколько минут назад его здесь точно не было.

— Кто нашёл? — сразу спросил Андрей.

— Я, — ответила горничная.

— Просто увидела его возле лестницы.

Следователь посмотрел на остальных.

— Кто-нибудь прикасался?

Все отрицательно покачали головами. Это было хорошо. Хотя полной уверенности у него не было.

Андрей присел. Не открывая ежедневник, внимательно осмотрел его. Потёртая чёрная кожа. На обложке — тиснёная буква **«О»**. Без инициалов. Без даты. На застёжке темнела крошечная капля бурого цвета. Недостаточно, чтобы делать выводы. Это могла быть старая краска. Ржавчина. Или кровь. Он не позволил себе гадать.

— Виктор Сергеевич... Это ваше?

Орлов посмотрел на ежедневник. И впервые за весь вечер потерял самообладание. Лицо его стало мертвенно-бледным.

— Нет...

— Вы уверены?

Орлов медленно покачал головой.

— Такой дневник был у моего брата. Он исчез двадцать лет назад.

В холле стало тихо.

Андрей медленно поднял взгляд.

— Вашего брата?

Орлов понял, что сказал лишнее. Слишком поздно. Он закрыл глаза. И тихо произнёс:

— Похоже... Мне всё-таки придётся рассказать вам правду раньше, чем я собирался.

Он поднял ежедневник, словно тот весил несколько килограммов. Расстегнул ремешок. Внутри лежал всего один лист. Не исписанный дневник. Не документы. Только один сложенный пополам лист бумаги. Орлов развернул его. Прочитал первые строки. Его руки задрожали. Он медленно поднял глаза на гостей.

— Он опоздал...

— Кто? — почти шёпотом спросила Марина. Орлов сглотнул.

— Человек, который должен был умереть двадцать лет назад.

В ту же секунду со второго этажа раздался оглушительный грохот. Будто тяжёлый шкаф с силой опрокинули на пол. Следом послышался короткий, сдавленный крик. Все одновременно подняли головы.

Андрей преодолел лестницу почти бегом. За ним, тяжело дыша, поднялись Павел, бывший полицейский, Марина и Виктор Орлов. Остальные остались внизу. Никто не произнёс ни слова. Крик оборвался слишком быстро. Это тревожило больше всего. В длинном коридоре второго этажа снова воцарилась тишина. Только дождь глухо барабанил по крыше. Андрей остановился.

Прислушался.

Никаких шагов. Никакого движения. Лишь едва уловимый запах.

— Чувствуете? — тихо спросил он. Павел нахмурился.

— Что именно?

— Озон.

Марина удивлённо посмотрела на него. Следователь медленно кивнул в сторону настенного светильника.

— После короткого замыкания иногда остаётся такой запах. Значит, либо проводка действительно неисправна...

Он сделал паузу.

— Либо кто-то устроил отключение света искусственно.

Это была не догадка. Лишь ещё одна версия, требовавшая проверки.

Коридор расходился в две стороны. Андрей медленно перевёл взгляд слева направо. На ковровой дорожке едва заметно темнела тонкая полоска воды. Не следы обуви. Скорее несколько случайных капель. Они вели к последней двери. Той самой комнате, где несколько минут назад нашли газетную вырезку. Следователь поднял руку, останавливая остальных.

— Никто ничего не касается. Идём только за мной.

Дверь оставалась открытой. Но внутри всё изменилось. Окно было закрыто. Плотно. Шторы неподвижно висели вдоль стены. На полу уже не лежала газетная вырезка. Она исчезла. Марина поражённо прошептала:

— Но... Мы ведь только что её видели...

Андрей медленно осмотрел комнату. Никаких признаков борьбы. Никаких разбросанных вещей. Слишком аккуратно. Будто кто-то успел вернуть комнате первоначальный вид. Именно это настораживало больше всего. Настоящий беспорядок трудно устранить за несколько минут. Зато заранее подготовленную сцену — вполне. Внезапно бывший полицейский указал на шкаф.

— Там.

Дверца была приоткрыта всего на несколько сантиметров. Изнутри виднелась полоска темноты. Андрей осторожно подошёл. Через носовой платок потянул ручку на себя. Шкаф оказался пуст. Только на внутренней стенке кто-то прикрепил маленькую фотографию. Чёрно-белую. Почти выцветшую. На снимке стояли пятеро мужчин возле строящегося бетонного комплекса. Один из них был молодым Виктором Орловым. Ещё одного Андрей сразу узнал по старым материалам дела. Николай Орлов. Но внимание привлекал не снимок. А лицо пятого человека. Его кто-то аккуратно вырезал острым ножом. Осталась только пустая белая фигу-

ра. Будто этого человека намеренно стёрли из истории. На обороте фотографии карандашом была написана дата. **17 июля.** *Без года. И всего одна фраза.

«Последний свидетель всегда остаётся за кадром.» Андрей аккуратно убрал фотографию в отдельный пакет. Теперь это было вещественное доказательство.

— Андрей... — негромко произнёс Орлов. Следователь обернулся. Виктор Сергеевич смотрел не на фотографию. Не на шкаф. А куда-то под кровать. Лицо его медленно серело. Андрей опустился на одно колено. Посветил фонариком телефона. Сначала он увидел лишь край тёмной ткани. Потом руку. Неподвижную. Побелевшие пальцы. Марина резко отвернулась. Павел тихо выругался. Следователь медленно выдохнул.

— Никто не входит. Это место преступления.

Он осторожно заглянул глубже. Под кроватью лежал человек. Без движения. Андрей не стал трогать тело сразу. Сначала быстро осмотрел пространство вокруг. На полу виднелась длинная царапина. Будто тело не упало само. Его кто-то затолкал под кровать уже после смерти. Только после этого он двумя пальцами коснулся сонной артерии. Пульса не было. Он медленно поднялся. Посмотрел на собравшихся. И впервые за этот вечер его голос прозвучал непривычно тяжело.

— Виктор Сергеевич... Боюсь, вы были правы.

Он сделал короткую паузу.

— Сегодня ночью действительно произошло убийство.

За окнами ослепительно вспыхнула молния. На долю секунды яркий свет озарил комнату. И в этом свете Андрей заметил ещё одну деталь. На внутренней стороне двери, которую никто прежде не осматривал, мелом было выведено одно-единственное слово: **«ПЕРВЫЙ»**. Следователь не понял его значения. Пока не понял. Но почувствовал, что это слово относится не к жертве. А к тому, что только начиналось.

Несколько мгновений никто не двигался. Казалось, само слово **«ПЕРВЫЙ»** сделало комнату холоднее. Андрей снова медленно осмотрел дверь. Белый мел лёг неровными штрихами. В нескольких местах линии были смазаны, словно тот, кто писал, торопился или слышал приближающиеся шаги. Он достал телефон и сделал несколько снимков. Затем сфотографировал пол, кровать, положение тела и шкаф.

— Что вы делаете? — тихо спросила Марина.

— Фиксирую обстановку такой, какой мы её увидели.

Он убрал телефон.

— Через час память каждого из нас начнёт добавлять детали, которых не было. Фотографии не ошибаются так часто, как люди. Никто не возразил.

Андрей снова присел возле тела. Теперь его внимание привлекла левая рука погибшего. Пальцы были крепко сжаты. Слишком крепко. Он осторожно разжал их. В ладони оказался маленький металлический предмет. Почти незаметный. Кусочек тонкой латунной пластины с выгравированной буквой **«В»**. Не монета. Не жетон. Скорее обломок старой таблички. Следователь положил находку в отдельный пакет.

— Это что-нибудь значит? — спросил Павел.

— Пока не знаю.

Он посмотрел на Орлова.

— Вы узнаете её?

Тот долго всматривался в пластину. Затем медленно покачал головой.

— Нет... Но мне кажется... Я уже видел такой шрифт. Когда-то давно.

Андрей перевёл взгляд на тело. Ни крови. Ни видимых ран. Даже лицо погибшего сохраняло странно спокойное выражение. Словно смерть наступила неожиданно. И почти мгновенно. Следователь осторожно коснулся воротника рубашки. Ткань была влажной. Но не от крови. От воды. Он поднял голову.

— Когда начался дождь?

— Часов в три дня, — ответила Марина.

— Значит, если одежда мокрая только сверху, человек недавно был под дождём.

Он снова посмотрел на закрытое окно. Это не укладывалось в общую картину.

Неожиданно Павел тихо произнёс:

— Андрей...

Следователь обернулся. Адвокат указывал на часы погибшего. Они остановились. Стрелки замерли на **20:47**. Андрей нахмурился. Он не стал делать вывод, что именно в это время произошло убийство. Механические часы могли остановиться от удара, влаги или неисправности. Но время он запомнил. И мысленно сопоставил с событиями вечера. Именно около этого момента они услышали первый громкий удар наверху. Совпадение? Или нет?

Андрей ещё раз внимательно осмотрел комнату. Тело под кроватью. Фотография с вырезанным лицом. Надпись **«ПЕРВЫЙ»** на внутренней стороне двери. Все детали складывались в картину, но пока между ними не было связи. Он медленно поднялся.

— Никто ничего не трогает, — спокойно сказал он. — С этого момента эта комната — место преступления.

— Но полиция... — начала Марина.

— До неё ещё нужно добраться.

Он посмотрел на экран телефона. Связи по-прежнему не было. Ни одного деления. Андрей выключил дисплей.

— Спускаемся вниз.

В холле никто не разговаривал. Даже Павел Демидов, ещё недавно пытавшийся спорить с Орловым, молчал. Каждый украдкой смотрел на остальных. Теперь за одним столом сидели не случайные гости. Девять потенциальных свидетелей. И убийца. Орлов медленно подошёл к камину. Несколько секунд грел руки, хотя в доме было совсем не холодно. Потом повернулся к Андрею.

— Вы были правы.

— В чём?

— Я слишком долго молчал.

Он говорил устало. Без прежней уверенности.

— Всё это началось двадцать лет назад не из-за Лизы. Лиза стала последствием. Причиной был другой человек.

В холле стало так тихо, что было слышно, как потрескивают поленья в камине. Марина уже достала блокнот. Но не записывала. Она просто ждала. Орлов медленно провёл рукой по лицу.

— Я хотел рассказать всё после ужина. Но кто-то меня опередил.

Он посмотрел на Андрея.

— Теперь я понимаю почему.

Следователь внимательно наблюдал за ним. Что-то изменилось. Не страх. Орлов словно принял какое-то решение.

— Документы... — тихо сказал он. — Они в моём кабинете. Все ответы тоже там.

Павел сразу сделал шаг вперёд.

— Тогда идём.

— Нет.

Орлов покачал головой.

— Сейчас нет. Сначала мне нужно убедиться, что они ещё там.

Он перевёл взгляд на Андрея.

— Через десять минут приходите один. Я покажу вам всё. Если мы войдём туда толпой, вы не поверите ни одному документу.

Андрей несколько секунд молчал. Затем коротко кивнул.

— Хорошо.

— Остальные пока остаются здесь. Никому не подниматься вверх. Никому.

Последнее слово прозвучало особенно жёстко. Орлов повернулся и медленно направился к лестнице. Гости молча провожали его взглядом. Он поднялся на второй этаж. Исчез за поворотом. Наступила тяжёлая тишина. Марина первой нарушила её.

— Вы действительно отпустите его одного?

— Нет, — спокойно ответил Андрей.

Он посмотрел на часы. 21:27.

— Я дам ему две минуты. Если за это время он не вернётся или не подаст знак, поднимусь следом.

— Почему не сейчас?

Андрей перевёл взгляд на лестницу.

— Потому что человек, который устроил всё это, рассчитывает на наши поспешные действия. Сегодня вечером он уже несколько раз пытался управлять тем, куда мы смотрим. Больше я не собираюсь играть по его правилам.

В этот момент сверху донёсся тихий звук. Не крик. Не удар. Будто где-то медленно закрылась тяжёлая дверь. Все одновременно подняли головы. Затем снова наступила тишина. Орлов так и не вернулся. Андрей посмотрел на циферблат. Прошла ровно одна минута. Он медленно поднялся.

— Кажется... наша следующая беседа начнётся раньше, чем мы планировали.

Глава 2

В кабинете пахло старой бумагой и древесиной. Андрей не переступил порог сразу. Несколько секунд он просто стоял в дверях, позволяя взгляду медленно пройти по комнате. Большой письменный стол. Книжные шкафы до самого потолка. Старинный сейф, встроенный в стену. Камин, в котором давно погас огонь. И Виктор Орлов. Он стоял возле открытого сейфа, держа в руках толстую папку с потёртыми картонными обложками. Услышав шаги, хозяин дома резко обернулся.

— Вы пришли раньше.

— Прошло две минуты.

Орлов устало улыбнулся.

— Значит, мне показалось, что прошло гораздо больше.

Андрей внимательно посмотрел на него. Тот заметно изменился за последние полчаса. Не выглядел испуганным. Скорее человеком, который наконец решил перестать что-то скрывать. Следователь медленно вошёл в кабинет, оставив дверь приоткрытой. Он не хотел оставаться с Орловым наедине за закрытой дверью. После первого убийства подобная осторожность уже не казалась излишней. Орлов заметил этот жест.

— Не доверяете мне?

— Пока я никому не доверяю.

Хозяин дома коротко кивнул.

— Правильный ответ.

Он положил папку на стол. Но не открыл её.

— Прежде чем вы это увидите, ответьте на один вопрос.

— Попробую.

— Если во время расследования выяснится, что виновный уже двадцать лет живёт обычной жизнью... вы всё равно доведёте дело до конца?

Андрей не ответил сразу. Он смотрел не на Орлова. На папку. На её потёртые края. На старые металлические уголки. Кто-то открывал её десятки, если не сотни раз.

— Закон не знает срока давности для убийства.

— Даже если виновный уже всё потерял?

— Это не мне решать.

Орлов прикрыл глаза.

— Именно поэтому я и пригласил вас.

Он медленно развязал тесёмки. Внутри лежали не официальные уголовные материалы. Фотографии. Письма. Газетные вырезки. Несколько детских рисунков. И небольшая записная книжка в чёрной обложке. Андрей нахмурился.

— Это не архив следствия.

— Нет.

— Тогда что?

Орлов осторожно провёл ладонью по верхнему листу.

— Это архив человека, который двадцать лет пытался понять, что произошло на самом деле. Вы не раскладывали их по порядку.

Орлов покачал головой.

— Пытался. Каждый раз получалась новая история.

Следователь внимательно посмотрел на него.

— Значит, вы до сих пор не знаете, что произошло.

— Знаю значительно больше, чем двадцать лет назад.

Орлов устало улыбнулся.

— Но значительно меньше, чем хотел бы.

Этот ответ понравился Андрею гораздо больше любых громких заявлений

Он осторожно взял верхнюю фотографию. Чёрно-белый снимок. Летний день. Возле недостроенного бетонного комплекса стояли пятеро мужчин. Двое были подписаны на обороте. **Виктор Орлов. *Николай Орлов. **

Имена остальных отсутствовали. Лицо одного человека оказалось аккуратно вырезано. Не порвано. Именно вырезано. Очень ровно. Будто кто-то потратил на это несколько минут.

— Когда вы впервые увидели фотографию в таком виде?

— Около пяти лет назад.

— Кто передал её вам?

— Она пришла по почте.

— Конверт сохранился?

Орлов кивнул.

— Да.

— Покажете позже.

— Конечно.

Андрей положил фотографию обратно. Никаких выводов. Пока лишь новые вопросы. Следующим оказался детский рисунок. Дом. Лес. Несколько человечков. У края листа неровными буквами было написано: **«НЕ УХОДИТЕ В ЛЕС»». **Следователь долго рассматривал бумагу.

— Это рисунок Лизы?

Орлов покачал головой.

— Не знаю. Я всегда считал, что да. Но экспертизу никогда не проводили.

— Значит, это только предположение.

— Да.

Орлов не пытался представить догадку как установленный факт. Андрей отметил это про себя. Человек наконец перестал цепляться за собственные версии.

В этот момент снизу раздался громкий голос Павла Демидова:

— Андрей!

Следом послышался ещё один голос — Марины. На этот раз в нём звучало не любопытство, а тревога.

— Немедленно спуститесь!

Андрей и Орлов одновременно посмотрели друг на друга. Андрей первым вышел из кабинета. Орлов последовал за ним, по-прежнему держа под мышкой старую папку. На лестнице оба услышали приглушённые голоса. На этот раз никто не кричал. Именно это насторожило Андрея сильнее всего. Когда люди действительно пугаются, они редко говорят тихо.

В холле их уже ждали. Марина стояла возле камина, не сводя взгляда с небольшого журнального столика. Павел Демидов прохаживался взад-вперёд. Доктор Крылов нервно растирал ладони. Судья сидел в кресле, крепко сжимая набалдашник трости. Лишь Савельев сохранял внешнее спокойствие, внимательно наблюдая за лицами остальных.

— Что произошло? — спросил Андрей. Ответила Марина.

— Пока вы были наверху, здесь появилась ещё одна вещь. Она указала на столик. На полированной поверхности лежал старый карманный компас. Латунный. Потёртый. Крышка была открыта. Стрелка дрожала, но указывала вовсе не на север. Она застыла, словно её удерживал магнит. Андрей не прикоснулся к находке. Сначала внимательно осмотрел столик. Никаких царапин. Никаких следов спешки. Компас лежал почти по центру. Будто его специально положили так, чтобы заметили сразу.

— Кто увидел первым?

— Я, — ответил Павел. — Вышел налить воды. Его здесь раньше не было.

— Вы уверены?

Адвокат раздражённо посмотрел на него.

— Если бы не был уверен, не сказал бы.

Андрей коротко кивнул. Юрист отвечал резко, но точно. Он избегал предположений. Это соответствовало его манере говорить. Следователь повернулся к остальным.

— Кто-нибудь подходил к этому столу после того, как мы поднялись наверх?

Доктор Крылов неуверенно поднял руку.

— Я проходил мимо...

— Прикасались?

— Нет.

— Видели компас?

Врач нахмурился.

— Не помню.

И честно добавил:

— Скорее всего, просто не обратил внимания.

Андрей записал это в блокнот. Честное «не помню» всегда ценнее уверенного, но ошибочного ответа.

Орлов медленно подошёл ближе. Увидев компас, он замер. Его лицо изменилось. Не от страха. От узнавания.

— Вы знаете его? — сразу спросил Андрей. Орлов долго молчал. Потом тихо ответил:

— Похожий принадлежал моему брату.

— Похожий или этот?

— Не могу сказать. Слишком много лет прошло.

Следователь внимательно посмотрел на него. Орлов не пытался произвести впечатление. Не утверждал того, в чём не был уверен. Это было важно.

Марина открыла блокнот.

— Можно предположение?

— Только если сразу отделите его от фактов, — спокойно сказал Андрей.

Журналистка улыбнулась.

— Факт: компас появился, пока вас не было. Факт: Виктор Сергеевич его узнал. Предположение: тот, кто оставил предмет, хотел вызвать именно такую реакцию.

Андрей кивнул.

— Хорошее разделение.

Павел усмехнулся.

— Наконец-то кто-то говорит языком расследования.

Следователь присел возле столика. Компас был старым, но ухоженным. На внутренней стороне крышки виднелись едва различимые буквы. Не инициалы. Скорее следы когда-то существовавшей гравировки. Часть металла была сточена. Будто кто-то намеренно пытался уничтожить надпись. Он достал фонарик. Свет скользнул по поверхности. Возле шарнира блеснула тонкая полоска свежей царапины. Совсем новая.

— Его недавно открывали, — негромко сказал Андрей.

— Откуда вы знаете? — спросила Марина.

— Латунь ещё не успела потемнеть.

Он не стал делать следующий вывод вслух. Если компас действительно долго хранился где-то в доме, царапина появилась совсем недавно. Значит, предмет готовили к тому, чтобы показать именно сегодня.

Неожиданно заговорил Савельев.

— Вам не кажется странным, что мы всё ещё обсуждаем предметы?

Все посмотрели на психолога.

— Письма. Компас. Дневник. Фотография.

Он сделал небольшую паузу.

— Но почти ничего не знаем о человеке, который всё это оставляет.

Андрей спокойно ответил:

— Именно этого он и добивается.

— То есть?

— Чтобы мы искали автора загадок, а не смысл его действий.

Савельев едва заметно улыбнулся.

— Значит, мы наконец начали говорить об одном и том же.

В комнате снова наступила тишина. За окнами продолжал идти дождь. Но теперь каждому стало ясно: ночь только начиналась, а человек, который затеял эту игру, не стремился убивать сразу. Ему было важнее заставить их сомневаться друг в друге. И это уже начинало работать. Молчание нарушил Виктор Орлов.

— Думаю, нам всем стоит успокоиться.

Он говорил тихо, но достаточно твёрдо, чтобы его слышали.

— Пока у нас слишком мало фактов, чтобы обвинять друг друга.

Павел коротко усмехнулся.

— Разве кто-то уже обвиняет?

— Пока нет, — ответил Орлов. — Но именно к этому нас и пытаются подтолкнуть.

Он бросил быстрый взгляд на компас.

— Этот предмет появился не случайно.

Андрей внимательно наблюдал за ним.

— Почему вы так решили?

Орлов немного помедлил.

— Потому что тот, кто его оставил, рассчитывал на реакцию. Не на сам компас, а на воспоминания, которые он может вызвать.

— У вас?

— Не только у меня.

В комнате вновь стало тихо. Савельев первым нарушил молчание.

— Значит, человек знает прошлое каждого из нас.

— Или очень хочет, чтобы мы так думали, — спокойно возразил Андрей. Он закрыл блокнот.

— Это разные вещи.

Марина подняла взгляд.

— Вы считаете, он может блефовать?

— Пока я считаю только то, что вижу.

Следователь указал на компас.

— У нас есть предмет без подтверждённого происхождения.

Посмотрел на Орлова.

— Есть воспоминание, которое нельзя проверить.

Перевёл взгляд на остальных.

— И есть люди, которые уже начали достраивать картину самостоятельно.

Он сделал короткую паузу.

— Именно это сейчас опаснее всего.

Павел скрестил руки на груди.

— Тогда что предлагаете?

— Проверять каждую деталь отдельно.

— Даже такую мелочь?

— Особенно такую.

Андрей осторожно достал из кармана чистый носовой платок и, не касаясь металла руками, аккуратно закрыл крышку компаса. Послышался негромкий металлический щелчок. Он перевернул предмет. На обратной стороне обнаружили едва заметные следы старого удара — небольшая вмятина у самого края корпуса. Ничего необычного. Но рядом с ней сохранился почти стёртый номер. Всего три цифры. **417.** Андрей несколько секунд смотрел на них.

— Виктор Сергеевич.

Орлов поднял голову.

— Ваш брат как-то отмечал свои вещи?

Тот покачал головой.

— Нет. По крайней мере, я такого не помню.

— А этот номер?

Орлов подошёл ближе, прищурился и после долгого молчания ответил:

— Не знаю.

Он не стал придумывать объяснение.

Андрей отметил это про себя. Честное незнание всё больше убеждало его, что Орлов действительно перестал играть роль человека, у которого есть ответы на все вопросы.

— Значит, проверим иначе, — сказал Андрей.

— Каким образом? — спросила Марина.

— Утром сфотографируем компас, снимем размеры, проверим архивные каталоги, если это заводская маркировка. Если инвентарный номер — попробуем установить, где он мог использоваться.

Павел удивлённо посмотрел на него.

— Вы серьёзно собираетесь начинать с трёх цифр?

— Нет.

Андрей убрал компас обратно на стол.

— Я собираюсь начинать с того, что можно проверить.

В этот момент он вновь посмотрел на часы в холле. Они показывали без пяти одиннадцать. Механизм работал ровно, маятник мерно отсчитывал секунды. И вдруг Андрей вспомнил остановившиеся часы, найденные возле погибшего. Мысль возникла почти случайно. Настолько простая, что он едва не отмахнулся от неё. Он открыл блокнот и быстро записал одну строку: **«Проверить, кто последний заводил часы в комнате погибшего.»** Почему-то именно этот вопрос сейчас казался ему важнее компаса. Он ещё не понимал почему. Но опыт подсказывал: иногда расследование меняет не самая громкая улика, а самый обыденный вопрос, который долго никто не догадался задать.

Андрей ещё несколько секунд смотрел на сделанную запись. Потом закрыл блокнот.

— На сегодня достаточно.

Павел недоверчиво поднял брови.

— Достаточно?

— Для новых версий — нет. Для новых ошибок — вполне.

Он медленно обвёл взглядом всех присутствующих. Люди выглядели по-разному. Доктор Крылов устало опустился в кресло и потёр переносицу. Марина впервые за весь вечер закрыла блокнот, будто понимая, что записывать больше нечего. Судья сидел неподвижно, крепко сжимая трость обеими руками. Савельев по-прежнему наблюдал за людьми, но теперь даже он выглядел менее уверенным. Только Павел не скрывал раздражения.

— И что дальше?

— Дальше мы перестанем искать объяснение каждому новому предмету.

— А что будем искать?

— Человека, который знает, зачем они появляются.

Павел тихо усмехнулся.

— Легко сказать.

— Поэтому начнём не с предметов.

Андрей убрал блокнот во внутренний карман пиджака.

— Завтра утром я поговорю с каждым из вас отдельно.

Марина подняла голову.

— Вы собираетесь нас допрашивать?

— Нет.

— Тогда в чём разница?

— Допрос начинается тогда, когда известно, что произошло.

Он выдержал небольшую паузу.

— Я пока пытаюсь понять, что произошло на самом деле.

Орлов молча кивнул.

Похоже, именно такого ответа он и ждал.

— Каждый расскажет только то, что видел сам, — продолжил Андрей. — Не версии. Не слухи. Не догадки. Только собственные воспоминания.

Доктор первым нарушил молчание.

— Почему не сейчас?

— Потому что мы уже слишком долго разговариваем вместе.

Следователь посмотрел на Марину.

— За последний час каждый из нас услышал десятки чужих слов. Память легко подстраивается под услышанное. Если продолжить обсуждение, завтра никто уже не вспомнит, что видел сам, а что слышал от других.

Марина медленно кивнула.

— Поэтому вы почти не задавали вопросов сразу после отключения света.

— Именно.

Наступила тишина. Орлов подошёл к окну и слегка отодвинул тяжёлую портьеру. За стеклом по-прежнему лил дождь. Мокрая дорога терялась в темноте, а лес казался сплошной чёрной стеной.

— До утра никто всё равно не уедет, — негромко сказал он. Это прозвучало без угрозы. Скорее как признание очевидного. Павел хотел что-то ответить, но лишь устало выдохнул и отвернулся. Спорить с погодой было бессмысленно. Андрей ещё раз посмотрел на часы в холле. Маятник размеренно отсчитывал секунды. Тик. Тик. Тик. Странно. За весь вечер они обсуждали письма, фотографии, рисунки, компас. Но почти не говорили о времени. А ведь именно время связывало между собой почти всё, что уже произошло. Остановившиеся часы погибшего. Отключение света. Появление конверта. Появление компаса. Он вновь открыл блокнот и под первой записью сделал ещё одну. **«Построить точную хронологию вечера.»** Никаких выводов. Пока только задача. Закрыв блокнот, Андрей неожиданно поймал себя на мысли, что впервые с момента приезда в усадьбу чувствует не растерянность, а направление. Ответов по-прежнему почти не было. Но теперь появились вопросы, которые можно проверить. А это значило, что расследование наконец переставало быть хаотичным. За окнами глухо прогремел гром. Старый дом ответил едва слышным скрипом деревянных балок. Никто не вздрогнул. Никто не бросился искать источник звука. Каждый уже понял простую вещь. Самое опасное этой ночью скрывалось не в темноте старого особняка. Оно сидело с ними в одной комнате.

Глава 3

Ночь почти не изменилась. Дождь всё так же мерно бил по высоким окнам усадьбы, а старые часы в холле отбивали минуты с равнодушной точностью, словно происходящее в доме их совершенно не касалось. Большинство гостей разошлись по комнатам. Не потому, что успокоились. Скорее потому, что усталость постепенно вытесняла страх. Лишь Андрей остался в гостиной. Перед ним на журнальном столике лежал закрытый компас, аккуратно завернутый в чистый носовой платок. Рядом — блокнот. Несколько страниц уже были исписаны короткими записями. Не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.